

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

УДК 821.161.1

ВЛИЯНИЕ ЖИТИЙНОЙ ТРАДИЦИИ НА ОБРАЗ ДЕТСТВА В ПРОЗЕ ЮРИЯ КАЗАКОВА (на материале рассказа «Никишкины тайны»)

Н.Г. Махинина, М.М. Сидорова

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия

Аннотация

Статья посвящена функционированию житийной традиции в творчестве Юрия Казакова (1927–1982). В обзоре исследований обозначается активный интерес к рецепции древнерусской литературы в XX в., что связывается с её особой спецификой: каноничностью, с одной стороны, и многоаспектностью – с другой. Указываются причины обращения русского писателя второй половины XX в. к житийной традиции: «скрытая» религиозность и интерес к проблеме национального характера. Выявляются формы влияния этой традиции на его рассказы, прежде всего в свете воплощения образа детства. Материалом исследования является раннее произведение «Никишкины тайны» (1957), которое соотносится на различных уровнях с текстом Жития Сергия Радонежского, написанном Епифанием Премудрым. Авторами отмечено сходство с житийным прототипом в изображении не только внешности, но и внутренних качеств литературного героя Казакова. Писатель, опираясь на важную для жития тему всеобщности, равенства всего живого, вводит в рассказ мотив тайны «немой души» природы, которую стремится постичь ребёнок. В заключение делается вывод о сложном характере функционирования житийной традиции в прозе Юрия Казакова. Направленность на житийный канон приводит к попытке утвердить правомочность существования типа сознания, ориентированного на веру в гармоничное существование в рамках Божьего промысла. Однако происходит и внутренняя полемика с таким типом сознания.

Ключевые слова: Ю.П. Казаков, Епифаний Премудрый, Сергей Радонежский, русская литература XX века, житийная традиция, древнерусская литература, образ детства, «Никишкины тайны»

Юрий Павлович Казаков (1927–1982) – писатель, вошедший в отечественную литературу в период «оттепели». Он заявил о себе прежде всего как продолжатель классической традиции. В середине 60-х годов литературовед А.А. Нинов определяет причины отказа автора от жёсткого социального детерминизма тех или иных процессов. По его мнению, это вытекает из потребности «обратиться к традициям русских классиков, полнее использовать национальное достояние

родной литературы» [1, с. 269]. Отсюда точная, хотя и звучащая несколько парадоксально, формулировка литературной новизны Казакова, а именно «восстановления ценностей, исторически не исчерпавших себя» [1, с. 269]. И сам писатель говорит об этом в одном из своих интервью: «Думаю, что задача литературы – изображать именно душевные движения человека, причём главные, а не мелочные. Потому до сих пор для нашей литературы главная фигура Лев Толстой. Дворянство, помещики, крепостное право – всё это ушло, а читаешь с прежним наслаждением, как сто лет назад. Не ушли описанные им движения души. Толстой современен» [2, с. 316–317].

Традиция житийной литературы является одной из традиций, которая актуализируется в творчестве данного писателя.

Следует сказать, что проблема рецепции древнерусской литературы, в частности её житийной составляющей, в культуре Нового времени обозначилась в 90-е годы XX в. Интерес к ней сохраняется и сегодня. Так, в диссертационных работах И.В. Бобровской [3], Д.М. Бычкова [4], Н.В. Лукьянчиковой [5], А.С. Растягаева [6], которые выполнены в начале XXI столетия, в целом утверждается идея того, что такой интерес именно к агиографии определяется её многоаспектностью. Каноничность жития привлекает писателей, пребывающих в поисках основ в эпоху деструктуризации культуры, в том числе и литературы. Глубинная смысловая многосоставность жанра даёт возможность выявлять общее и различное в представлениях о главных ценностях бытия.

Обращаются современные исследователи также к проблеме форм взаимодействия писателей XX в. с житийной традицией. Например, М.Н. Климова в статье «К изучению житийной традиции в русской литературе XIX – XX веков» указывает на обильность и в то же время некоторую бессистемность материала по этому вопросу, стремится его сгруппировать, выделяя формы обращения к агиографической традиции. Одной из них, по мнению автора, является внесение в произведение Нового времени отдельных элементов «конкретного жития или целой агиографической группы» [7, с. 156].

Именно такая форма используется в творчестве Ю.П. Казакова, чьё обращение к житийным мотивам оказалось связано с поисками истоков национального характера. Писателя, вся жизнь которого пришлась на советскую эпоху, отличает своеобразная «скрытая» религиозность, которая в целом была характерна для определённой части общества в 60–70-е годы. В письмах, личных беседах прозаика обнаруживается его устойчивый интерес ко всему, связанному с христианством и святостью. В.И. Лихоносков сообщает о частых приглашениях Казакова съездить с ним в Лавру¹, упоминает о его знакомстве с дочерью русского религиозного философа В.В. Розанова и его сочинениями [8, с. 93]. По свидетельству вдовы писателя², Юрий Павлович очень любил и часто перечитывал книгу Г.П. Федотова «Святые Древней Руси» (1931).

Обращение к житийной традиции у Ю.П. Казакова в основном проявилось в образах героев-детей, которые в ряде рассказов писателя близки по типу героям древнерусских житий в детстве и отрочестве.

¹ Имеется в виду крупнейший мужской монастырь Русской православной церкви в центре Сергиева Посада Московской области, на реке Кончуре – Свято-Троицкая Сергиева Лавра (<http://www.stsl.ru/>).

² Из личной беседы Н.Г. Махониной с Т.М. Судник.

Герои-дети в древнерусской литературе не столь уж многочисленны, но присутствуют. Это во многом оказалось связано с тем, что описание детства святого – главного героя житийного текста – было обязательным в соответствии со сложившейся традицией. Житие, как известно, имело трёхчастную композицию. Первая и последняя его части были своего рода вступлением и заключением автора, содержали обращение к Богу с молитвой о помощи, мотивировали выбор героя, включали элемент самоуничтожения. Центральная, основная часть повествовала о жизни святого с самого его рождения до смерти. Традиция предполагала также рассказ о благочестивых родителях героя и повествование о его детстве – спокойном, тихом, наполненном уединением, глубоким созерцанием и молитвой. Описание детства часто было схематичным и в большой степени подвергалось влиянию традиции и литературного этикета. Тем не менее отдельные житийные произведения содержат достаточно полный рассказ об осенённом Божьей благодатью отроке. Таковым в первую очередь является «Житие Сергия Радонежского», написанное Епифанием Премудрым (Ж.С.Р.). На наш взгляд, именно оно могло во многом повлиять на создание образа мальчика в рассказе Ю.П. Казакова «Никишкины тайны» (1957). Писателя привлекала личность Сергия Радонежского. Казаков построил дом в Абрамцеве. Часто посещал, как уже говорилось выше, Троице-Сергиеву Лавру. С самим же житием он мог познакомиться через устные пересказы матери, которая была верующим человеком, а позже по книгам Г.П. Федотова (1886–1951) и Б.К. Зайцева (1881–1972).

Впервые в русской литературе Епифаний Премудрый делит текст жития на главы, и три из них посвящает первому, «мирскому» периоду жизни Варфоломея. Интересно, что автор будто бы просит извинения у читателей за то, что столь подробен в своём описании этого периода: «Не презирайте грубости моей за то, что я до сих пор писал и растягивал рассказ о младенчестве его, и о детстве его, и вообще обо всей мирской жизни его: потому что хотя он в миру жил, но душу и желания свои к Богу обращал. Я показать хочу читающим и слушающим житие его, каков был он с младых лет и с самого детства своего верой и чистой жизнью, и как был он всеми добрыми делами украшен – таковы были дела его и жизнь в миру...» (Ж.С.Р., с. 299). Это своеобразное извинение-объяснение отражает то, как меняется отношение к детству в сознании человека эпохи Древней Руси.

Новым для житийного жанра становится и столь подробный рассказ о младенчестве и детстве будущего святого: чуде, произошедшем до его рождения, необычном поведении младенца, отказывающегося от материнского молока в постные дни, сознательной аскезе в раннем детстве – всё это психологично и убедительно. Такой рассказ позволяет наполнить конкретным содержанием общий портрет отрока Варфоломея. В этом описании не только перечислены выдающиеся качества героя («Как я смогу перечислить прочие добродетели его: спокойствие, кротость, молчаливость, смирение, негневливость, простоту без ухищрений? Он любил одинаково всех людей, никогда не впадал в ярость, не препирался, не обижался, не позволял себе ни слабости, ни смеха; но когда хотелось ему улыбнуться (ведь и ему это было нужно), он и это делал с великим целомудрием и воздержанием...» (Ж.С.Р., с. 292–293)), но и подчёркнуто то, что отличает его от окружающих («...К детям играющим он не ходил и с ними не играл; бездельникам и суетным людям не внимал; со сквернословыми и насмешниками

он совсем не общался. Он только лишь упражнялся в славословии Бога и тем наслаждался, в церкви Божьей он прилежно стоял, на заутреню, и на литургию, и на вечерню всегда ходил и часто читал святые книги» (Ж.С.Р., с. 287)).

Рассказ Ю.П. Казакова «Никишкины тайны» тоже открывается указанием на особенность героя, не похожего на своих сверстников: «Никишку в деревне любят все. Какой-то он не такой, как все, тихий, ласковый, а ребята в деревне все “зуйки”, настырные, насмешники» (Ю.К., с. 19). И эта особенность тоже связана с его напряжённой внутренней жизнью: «Тих, задумчив Никишка, ребят сторонится, не играет, любит разговоры слушать, сам говорит редко, и то вопросами: “А это что? А это почто?” – с отцом только разговорчив да с матерью. Голос у него тонкий, приятный, как свирель, а смеётся басом, будто немой: “гы-гы-гы!” Ребята дразнят его: как чуть что, бегут, кричат: “Никишка-молчун! Молчун, посмейся!” Сердится тогда Никишка, обидно ему, прячется в поветь, сидит там один, качается, шепчет что-то» (Ю.К., с. 19–20).

Особенность образа «святого младенца» у Епифания Премудрого проявляется также в его раннем взрослении: «И ещё об одном деянии этого блаженного отрока скажем, как он, молодой, проявил разум, достойный старца» (Ж.С.Р., с. 285). Необычность этого свойства подчёркнута отношением к нему взрослых, проявляющих не только удивление, но и беспокойство. Неслучайно акцентируется тревога матери, в описании которой у Епифания появляются реалистические черты: «Мать же его своими материнскими словами увещевала, говоря: «Чадо! Не погуби свою плоть излишним воздержанием, как бы тебе не заболеть, – ведь ты ещё мал, тело твоё растёт и расцветает. Ведь никто такой молодой, в таком юном возрасте, как ты, столь жестокого поста не соблюдает; никто из братьев твоих и сверстников твоих так строго не воздерживается от еды, как ты. Ведь есть и такие, которые и все семь дней в неделю едят, с утра пораньше начинают и поздно ночью кончают есть, пьют без меры. Ты же иногда один раз днём поешь, иногда ни одного раза, но через день питаешься. Прекрати, чадо, такое длительное воздержание, ты не достиг ещё зрелости, не настало ещё для этого время. Всё ведь хорошо, но в своё время» (Ж.С.Р., с. 285).

Как и автор жития, Казаков стремится обозначить необычную взрослость своего героя, делая это через портрет мальчика: «Лет ему восемь, на голове вихор белый, лицо бледное в веснушках, уши большие, вялые, тонкие, а глаза разные: левый пожелтей, правый побирюзовей. Глянет – и вот младенец несмышлёный, а другой раз глянет – вроде старик мудрый» (Ю.К., с. 19).

В «Житии Сергия Радонежского» такая необычность ребёнка связывается с нравственными качествами его родителей, которые выступают в своём беспокойстве о сыне как одно целое – «блаженная чета», «прекрасные супруги» (Ж.С.Р., с. 283). Они с радостью привечают старца, которого привёл в дом отрок, делятся с ним тревогой о будущем сына, рассказывают о предзнаменовании, принимают от него благословление и верят в особую миссию сына. Это главные люди в жизни Варфоломея: «Он жил, во всём повинуюсь своим родителям: старался повеления их исполнять и ни в чём не ослушаться их...» (Ж.С.Р., с. 285). Подчёркнуты особые, очень близкие отношения ребёнка с родителями. В их основе – искренняя любовь, взаимное уважение, доверие и глубокое понимание.

В рассказе «Никишкины тайны» тоже возникает образ матери, заботливо наставляющей сына перед дорогой (Ю.К., с. 20). Однако более ярко выписан образ отца, сильного, естественного в гармоничномприятии мира человека, который к тому же способен тонко понять и разделить переживания Никишки (Ю.К., с. 25, 28).

Сближает двух героев и склонность к одиночеству. Они дорожат уединением, по-особому понимают тишину. Особое слово находит для этого Ю.П. Казаков – *молчание*. Героя называют молчуном (Ю.К., с. 20), и мир вокруг него в определённые моменты замолкает: «Молчит всё: молчит море, карбас беззвучно качает, молчит берег, не доносится оттуда ни звука. Низкое уже солнце скрылось в облаках, потемнело всё кругом, запечалилось. И никого нигде нет! Пусто везде, безлюдье, летают редкие чайки, на берегу в лесу рябки притаились да качаются в карбасе два рыбака и с ними сёмга заснувшая» (Ю.К., с. 31).

Именно одиночество и молчание являются в житиях главными условиями для отрешения от суетного, мирского, общения с Богом. Однако главной для Ю.П. Казакова в его своеобразном диалоге с житийной традицией становится важная для жития тема всеобщности, равенства всего живого человеку.

О поклонении Сергию всего живого, когда жил он в пустыни, пишет Епифаний Премудрый: «Многие тогда звери часто приходили к нему, не только ночью, но и днём; а были эти звери – стаи волков, которые выли и ревели, а иногда и медведи. Преподобный Сергий, хотя немного и боялся, как всякий человек, но, однако, молитву прилежно к Богу обращал и ею укреплялся; и таким образом, по милости Божьей, остался не тронут ими: звери отходили от него, а зла ему никакого не причиняли» (Ж.С.Р., с. 307).

Сергий не только преодолевает страх перед дикими зверями, но и делится с медведем куском хлеба, часто последним для самого отшельника. Здесь можно вспомнить и рассказ из Синайского патерика о старце Герасиме, который извлёк занозу из лапы страдающего льва, а тот в благодарность прожил со старцем всю жизнь, помогая ему, и умер от тоски на его могиле (С.П., с. 122–123).

Никишка в рассказе Казакова не просто испытывает сострадание к окружающему, но видит его живым, думающим. Так, он беседует с понимающими его конём и собакой, чувствует на себе загадочный взгляд камней. «А почто это камни на меня смотрели? Они тоже думают? Небось ночью-то переваливаются, кому неловко лежать, за день-то вон как бок отлежишь!» – спрашивает он у отца (Ю.К., с. 25). Душа леса выражает себя для Никишки в образах смиренных и грустных лешаков³, молчаливо следящих за проезжающим мимо мальчиком.

Генезис такого рода одушевления живого, конечно, во многом сказочный, языческий, когда «наделяются душой все явления мира природного в надежде установить с ними контакт на чисто человеческих основаниях. Отношение к живому в сказке преображается и из эгоистически утилитарного становится дружественным. Сказочное сознание отталкивалось от повседневного наблюдения человека хаоса, разлада и раздора отношений в природном мире. И это выражалось в поэтических образах, проникнутых чувством глубокой жалости ко всему живому. В сказке открывалась тайна всеобщей солидарности,

³ То же, что леший (обл.) (<http://enc-dic.com/russaying/Leshak-37439.html>).

связующая человека с этим живым миром, общения с ним и в страдании, и в радости» [9, с. 109].

Поэтому Никишка, деревенский мальчик, с малолетства наблюдающий процесс превращения живого в человеческую пищу, как будто отталкивается от житейского обыденного восприятия: ему понятны страх коня и пса, страдания убиваемых сёмги и тюленя; он ощущает их переживания как свои собственные, и оттого именно ему живое готово раскрыть свои тайны.

Стремление живого услышать от Никишки «заветное слово» (Ю.К., с. 33) сродни сказочному стремлению животных ждать от человека нового закона жизни, умиротворяющего их взаимные отношения (особенно в эпизоде, где псу снится страшный сон, и «одно ему спасение – Никишка» (Ю.К., с. 32)).

И в то же время в этом, безусловно, проявляется христианское нравственное сознание. Не случайно воспоминание Никишки о рассказе бабки при виде заброшенной тропы в лесу (Ю.К., с. 24). По этой тропе шли когда-то беглые, больные, несчастные, обиженные в пресветлую обитель – Соловецкий монастырь. Образ монастыря становится для писателя определённым знаком возможности ухода от познания ребёнком тайны природы в её патриархально-языческом восприятии к тайне человеческого духа в русле христианской традиции. Это сродни ощущениям, которые описывает Владимир Мономах в своём «Поучении», испытывая восторг перед Божественным мирозданием: «Велик Ты, Господи, и чудны дела Твои, и благословенно и славно имя Твоё вовеки по всей земле. Ибо кто не восхвалит и не прославит силу Твою и Твоих великих чудес и благ, устроенных на этом свете: как небо устроено, или как солнце, или как луна, или как звезды, и тьма, и свет, и земля на водах положена, Господи, Твоим промыслом! Звери различные, и птицы и рыбы украшены Твоим промыслом, Господи!» (П.В.М., с. 397).

Принципиально важным для понимания писательского мировосприятия является мотив тайны «немой души природы», которую пытается разгадать Никишка. Возникновение этого мотива свидетельствует о том, что художественное сознание писателя не только сопрягает языческую и христианскую традиции на пути проникновения в сущность детской души, но стремится на основе их синтеза глубже и шире осмыслить мир во всей его целостности.

В стремлении мальчика раскрыть тайну явственно проступает какое-то смутное осознание им скрытых под внешней красотой мира противоречий. Противоречий древних, изначальных, которые с отделением человека от мира природы проникают и в человеческую жизнь.

Сюжетной основой рассказа становится постепенное приближение Никишки к раскрытию тайны жизни. Вначале эта тайна кажется неразрешимой: «Никишка задумался, смотрит вокруг, хочет тайну такую понять, чтобы всё, что видит, разом открылось ему. Да не понять этой тайны, смотри только с тоской, впитывай глазами, слушай ушами да нюхай» (Ю.К., с. 24). Лишь в пограничном состоянии полусна-полуяви мальчику начинает приоткрываться глубоко скрытая тайна сущего. Ему чудится, будто собака разговаривает с ним и приглашает в лес, обещая открыть ему то, что скрывается за молчанием окружающего мира: «Об чём берёзы шепчут, послушаем, что камни думают, узнаем» (Ю.К., с. 27).

Взрослые герои писателя постоянно чувствуют активность окружающего их пространства. Однако ребёнок в силу непосредственности восприятия не только ощущает этот существующий параллельно с ним на полных правах другой живой мир, но и стремится установить с ним контакт, не просто подчиняясь его гармоническому звучанию, а желая понять, что за ним скрыто, каково самосознание этого иного мира.

По ходу повествования мальчик ещё раз впадает в состояние полудрёмы, когда ему начинает казаться, что «вот-вот тайну какую-то узнает, никому не ведомую, слово заветное произнесёт, и нарушится молчание, заговорят все с Никишкой, всё ему разом понятным станет» (Ю.К., с. 31).

Окончательное раскрытие тайны предполагается в будущем необыкновенном сне мальчика: «Обступит его деревня, избы с глазами-окошками, лес подойдёт, камни и горы, конь явится, пёс рыжий, чайки прилетят, кулики сбегутся на тонких ножках, сёмга из моря выйдет – все к Никишке сойдутся, смотреть на него станут и, бессловесные, будут ждать заветного слова, чтобы разом открыть ему все тайны немой души» (Ю.К., с. 33).

Бессловесность для Ю.П. Казакова – мучительное состояние живой материи, которая стремится высказать себя, стать понятной. Характерно, что ключом, замыкающим сомкнутые уста окружающего, становится Никишкино «заветное слово». Атрибут «заветный» может одновременно быть истолкован и как «волшебный», то есть основанный на вере в могущество каких-то изначальных природных сил, и в собственном своём значении – завещанный божественным началом мира.

Присутствие Бога трижды обозначается в рассказе Ю.П. Казакова: сначала косвенно в образе пресветлой обители – Соловецкого монастыря (Ю.К., с. 24), затем, когда отец просит благословения перед началом рыбалки (Ю.К., с. 29), наконец, ближе к финалу: «А Никишка дремлет, наговорился за день, нагляделся, наслушался, накачался, устал – дремлется ему, думается бог знает о чём!» (Ю.К., с. 31).

В этом глубоко раскрываемом диалектическом взаимодействии двух начал в ребёнке проявляется сложность диалога писателя с житийной традицией, которая становится не только основой для создания образа детства, но и переосмысливается в духе Нового времени.

Источники

- Ю.К. – *Казаков Ю.* Никишкины тайны // Казаков Ю. Двое в декабре. – М.: Молодая гвардия, 1966. – С. 19–33.
- Ж.С.Р. – *Житие Сергия Радонежского* // Памятники литературы Древней Руси. XIV – середина XV в. – М.: Худож. лит., 1981. – С. 257–429.
- С.П. – *Из Синайского патерика* // Памятники литературы Древней Руси. XII в. – М.: Худож. лит., 1980. – С. 116–135.
- П.В.М. – *Поучение Владимира Мономаха* // Памятники литературы Древней Руси. XI – нач. XII в. – М.: Худож. лит., 1978. – С. 393–413.

Литература

1. *Нинев А.* Современный рассказ. Из наблюдений над русской прозой (1956–1966). – Л.: Худож. лит., 1969. – 287 с.

2. *Казаков Ю.* «Для чего литература и для чего я сам» // Казаков Ю. Две ночи. – М.: Современник, 1986. – С. 313–334.
3. *Бобровская И.В.* Агиографическая традиция в творчестве В.М. Шукшина: Дис. ... канд. филол. наук. – Барнаул, 2004. – 205 с.
4. *Бычков Д.М.* Агиографическая традиция в русской прозе конца XX – начала XXI века: Дис. ... канд. филол. наук. – Астрахань, 2011. – 198 с.
5. *Лукьянчикова Н.В.* Трансформация агиографической традиции в произведениях Н.С. Лескова о «праведниках»: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ярославль, 2004. – 22 с.
6. *Растягаев А.С.* Агиографическая традиция в русской литературе XVIII века: проблема генезиса и жанровой трансформации: Дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2008. – 421 с.
7. *Климова М.Н.* К изучению житийной традиции в литературе XIX – XX веков // Вестн. Тат. гос. гуманит.-пед. ун-та. – 2009. – Вып. 4. – С. 156–159.
8. *Лихоносов В.* Волшебные дни // Лихоносов В. Волшебные дни. – Краснодар: Краснодар. кн. изд-во, 1988. – С. 82–103.
9. *Трубецкой Е.* «Иное царство» и его искатели в русской народной сказке // Лит. учёба. – 1990. – Март-апрель. – С. 109–110.

Поступила в редакцию
21.03.16

Махнина Наталья Георгиевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: *mahinin@rambler.ru*

Сидорова Марина Михайловна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: *msidorovam@mail.ru*

ISSN 2541-7738 (Print)
ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2017, vol. 159, no. 1, pp. 175–183

**The Influence of the Hagiographic Tradition on the Image of Childhood
in Yu. Kazakov's Prose (Based on the Short Story "Nikishka's Secrets")**

*N.G. Mahinina**, *M.M. Sidorova***

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia
E-mail: **mahinin@rambler.ru*, ***msidorovam@mail.ru*

Received March 21, 2016

Abstract

The paper focuses on the functioning of the hagiographic tradition in the works of Yu. Kazakov, a Russian writer of the second half of the 20th century. In the review of the available studies, an active interest in the reception of Old Russian literature during the 20th century has been emphasized, which

must be related to its specificity: canonicity, on the one hand, and diversity, on the other one. The reason for Yu. Kazakov's appeal to the hagiographic tradition has been associated with his "hidden" religiosity and interest in the problem of national character. The nature and forms of influence of the hagiographic tradition in Yu. Kazakov's short stories, which are primarily associated with the embodiment of the childhood image, have been revealed. The material for study is the writer's early short story "Nikishka's Secrets", which is correlated at different levels with the Life of Sergius of Radonezh written by Epiphanius the Wise. Similarities have been revealed in both external and spiritual characteristics between Yu. Kazakov's character and the hagiographical prototype. The writer, based on the important problem of life universality, equality of all living creatures, introduces the motif of mystery of "silent soul" of the nature, which the child seeks to understand. The conclusion has been made about the complex nature of the functioning of the hagiographic tradition in Yu. Kazakov's short story. The focus on the hagiographic canon represents an attempt to prove the eligibility of the consciousness type based on faith in the harmonious existence within the God's plan. However, there is an internal debate with this type of consciousness.

Keywords: Yu.P. Kazakov, Epiphanius the Wise, Sergius of Radonezh, Russian literature of 20th century, hagiographic tradition, Old Russian literature, image of childhood, "Nikishka's Secrets"

References

1. Ninov A. Contemporary Story: From Observations over Russian Prose (1956–1966). Leningrad, Khuzh. Lit., 1969. 287 p. (In Russian)
2. Kazakov Yu. Two Nights. "Dlya chego literatura i dlya chego ya sam" ["What for Is Literature and Me?"]. Moscow, Sovremennik, 1986, pp. 313–334. (In Russian)
3. Bobrovskaya I.V. The hagiographic tradition in V.M. Shukshin's works. *Cand. Philol. Sci. Diss.* Barnaul, 2004. 205 p. (In Russian)
4. Bychkov D.M. The hagiographic tradition in the Russian prose of the late 20th – early 21st centuries. *Cand. Philol. Sci. Diss.* Astrakhan, 2011. 198 p. (In Russian)
5. Luk'yanchikova N.V. Transformation of the hagiographic tradition in N.S. Leskov's works about "righteous persons". *Extended Abstract Cand. Philol. Sci. Diss.* Yaroslavl, 2004. 22 p. (In Russian)
6. Rastyagaev A.S. The hagiographic tradition in the Russian literature of the 18th century: Problem of genesis and genre transformation. *Doct. Philol. Sci. Diss.* Moscow, 2008. 421 p. (In Russian)
7. Klimova M.N. On the Study of the hagiographic tradition in the literature of the 19th – 20th centuries. *Vestnik Tatarskogo Gosudarstvennogo Gumanitarnogo Pedagogicheskogo Universiteta*, 2009, no. 4, pp. 156–159. (In Russian)
8. Likhonosov V. Magic Days. *Volshebnye dni* [Magic Days]. Krasnodar, Krasnodar. Kn. Izd., 1988, pp. 82–103. (In Russian)
9. Trubetskoi E. "Another kingdom" and its searchers in the Russian folk tale. *Literaturnaya Ucheba*, 1990, Mar.–Apr., pp. 109–110. (In Russian)

Для цитирования: Махинина Н.Г., Сидорова М.М. Влияние житийной традиции на образ детства в прозе Юрия Казакова (на материале рассказа «Никишкины тайны») // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2017. – Т. 159, кн. 1. – С. 175–183.

For citation: Mahinina N.G., Sidorova M.M. The influence of the hagiographic tradition on the image of childhood in Yu. Kazakov's prose (based on the short story "Nikishka's Secrets"). *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2017, vol. 159, no. 1, pp. 175–183. (In Russian)